

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2020.4.20

Любовь и закон в комедии У. Шекспира «Мера за меру» и поэме А. С. Пушкина «Анджело»

Л. Ю. СТРЕЛЬНИКОВА

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье прослеживаются литературные связи творчества У. Шекспира и А. С. Пушкина. Рассматривается комедия Шекспира «Мера за меру» и поэма Пушкина «Анджело». Комедия «Мера за меру» относится к «трагическому» периоду творчества английского драматурга и отражает общественно-религиозные и духовно-нравственные изменения в сознании той эпохи. Именно этот перелом открывает новый этап в истории развития западноевропейской литературы. Будучи гуманистом, У. Шекспир ставит в центр внимания человека в его противоречиях, появляющихся в величии и греховности. Проблема героической личности, способной бороться со злом, становится не столь актуальной. На первый план выдвигаются моральные качества облеченных властью правителей.

Продолжателем традиций У. Шекспира в русской литературе стал А. С. Пушкин. Считая Шекспира своим «отцом» и учителем, он развивает поставленную английским драматургом проблему личности во власти. Пушкина привлекла в пьесе Шекспира не только ее гуманистическая направленность, но и религиозный аспект. В статье актуализируется мысль о том, что в отличие от Шекспира, отстаивающего и право закона, Пушкин с православной точки зрения христианское милосердие и любовь ставит выше юридических норм.

Ключевые слова: комедия; поэма; Шекспир; «Мера за меру»; ренессансная личность; милосердие; закон; Пушкин; «Анджело»; гуманизм; православие

Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны,
и имею всякое познание и всю веру,
так что *могу* и горы переставлять,
а не имею любви, — то я ничто.
1 Кор. 13:2

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Шекспира и Пушкина имеет множество точек пересечения на разных уровнях: эстетическом, национально-историческом, онтологическом, аксиологическом. Шекспир на всемирном уровне способствовал укоренению гуманистического миропонимания эпохи в сравнении с догматичными средневековыми взглядами с их опорой исключительно на церковные учения. По верному замечанию филолога В. А. Лукова, «в основе построения художественного мира в произведениях

Шекспира лежит получившая в эпоху Возрождения концепция Единой цепи бытия... В центре этой цепи находится человек, соединяющий в себе духовное и материальное» (Луков, 2003:126). Значение Шекспира состоит в том, что он сумел выявить дуализм гуманистического сознания, показать величие и бессилие титанической личности не столько перед временем и обстоятельствами, сколько перед страстями, часто увлекающими на ложный путь. Накануне новых времен зарождения буржуазных отношений Шекспир «дал потрясающее пророчество гибели индивидуализма» (Лосев, 1978: 601), подбирая для сюжетов своих пьес такие исторические эпохи, «которые демонстрируют именно эту возрожденческую трагедию» (там же: 602).

Широкое понимание исторических и религиозных процессов современности породило «беспредельную глубину и многослойность» шекспировских характеров (Блум, 1998: 199), их «психическую подвижность» (там же: 196). И это во многом отличало творчество Шекспира от средневекового догматизма Данте, с суровостью ортодоксального католика определяющего наказания грешникам и их место в загробном мире. В осмыслении нравственного положения человека в современном мире Шекспир выступает приверженцем гуманистической идеологии, но в то же время он дает и религиозную оценку эпохе и героям своих произведений. Морально-политические учения Макиавелли, Монтеня и Библия в симбиозном направлении соединились в этико-эстетическом содержании произведений Шекспира.

ХРИСТИАНСКИЙ ГУМАНИЗМ КОМЕДИИ У. ШЕКСПИРА

«МЕРА ЗА МЕРУ»

В комедии «Мера за меру» (1603) гуманизм Шекспира в духе Т. Мора наполняется христианским содержанием. Впервые «Мера за меру» была поставлена в 1604 г. при дворе Якова I. Пьеса создавалась в так называемый трагический период творчества Шекспира наряду с трагедиями «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет» и др. Сюжетом пьесы стало средневековое устное предание итальянца Джиральди Чинтио и мотивы драмы англичанина Уэтстона о сладострастном судье, готовом за свидание с сестрой обвиненного в добрачной связи и приговоренного к смертной казни помиловать последнего.

Шекспир в значительной степени меняет фабулу этой истории, сделав второстепенным эротическое содержание, актуализировав главную гуманистическую тему идеального правителя и усилив христианский аспект соотношения меры греха и милосердия. Указанием на христианское направление является название пьесы, отсылающее к Нагорной проповеди, где говорится о границах меры в суде над грешниками: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф 7:2). Шекспир вступает в противоречие с юридическим и ветхозаветным духом закона и суда как отмщения: «око за око», «душу за душу» (Исход 21:23–24).

В западной критике за пьесой «Мера за меру» закрепилась репутация «мрачной комедии» и «проблемной» пьесы (problem plays), что объяснялось ее отнюдь не комическим сюжетом, а сложным религиозно-философским содержанием и сближением с действительностью. Используя прием античной комедии «Quid pro quo» («то за это»), Шекспир создает карнавальную ситуацию подмены одного лица другим и неузнавания. Австрийский герцог Винченцио, сетуя на падение нравов и чтобы восстановить забытый закон, оставляет на время город и назначает вместо себя наместника Анджело, «воздержанного и строгого» (Шекспир, 1960: 172), давая ему

широкие полномочия: «И смерть и милость в Вене пусть живут. В твоих устах и в сердце» (там же: 162). Проверая искушением властью обычного человека, Шекспир задается целью проверить, как изменяется природа личности, ее духовное состояние и скрытые намерения, «как себя явит тот, кто безгрешным кажется на вид» (там же: 173). Будучи гуманистом, Шекспир считал, что дарованные Богом таланты не могут быть направлены на низменные дела: «Высокий ум стремиться к высшей цели» (там же, 1960: 162).

Герцог винит себя за то, что, проявляя излишнюю мягкость во власти, «дал народу волю» и «почти пятнадцать лет» правил, «закон не соблюдая», ослабив тем самым государство, превратив свободу в анархию. В итоге «свобода водит за нос правосудье. Дитя бьет мамку. И идут верх дном житейские приличья» (там же: 173). Однако Анджело, вступив во власть, использует ее не для установления государственного права, а ставит на службу своим страстям. Публично выставляя себя сторонником строгой законности, Анджело приговаривает молодого дворянина Клавдио к смертной казни за безнравственную любовную связь с Джульеттой. Шекспир пытается найти равновесие и гармонию между христианскими заповедями милосердия и справедливостью государственных законов. Взгляды Шекспира на природу власти восходят к учению Макиавелли и Монтеня, позволяя говорить об активизации самосознания общества эпохи Чинквеченто. Осуждая тиранию, Шекспир вслед за Макиавелли полагал, что жестокость не должна быть приоритетной формой правления и «государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти» (Макиавелли, 2006: 96).

Спасением от смертной казни для Клавдио может стать прошение его сестры Изабеллы к Анджело о смягчении участи непутевого брата. Анджело борется с искушением воспользоваться силой власти и добиться низким способом любви принявшей монашество Изабеллы, но не сразу решается поддаться этому соблазну: «изведать искушение — одно, но пасть — другое» (Шекспир, 1960: 180). Вначале Анджело выступает за честный суд, перед которым все равны, говоря, «Что если я, судья его, свершу Такое преступленье, пусть тогда Мой приговор послужит образцом: Меня приговорите тоже к смерти» (там же: 180).

Но увидев прекрасную Изабеллу, суровый Анджело, вопреки убеждениям о верховенстве закона, сам влюбляется в нее: «Ее слова полны такого чувства, Что пробуждают чувства и во мне» (там же: 198). Не в силах противостоять любовной страсти, Анджело оправдывает свои желания греховностью человеческой природы и готов сам преступить закон, за нарушение которого приговорил к казни Клавдио: «Страсть есть страсть. Пусть напишут У черта на рогах: “вот добрый ангел”, — То будет ложный герб» (там же: 203).

Шекспир подмечает двуличие закона, если в его основании не заложена высшая справедливость, о чем говорит мудрый Эскал: «Кто не вредим из дебрей зла выходит, Кто за проступок легкий смерть находит» (Шекспир, 1960: 181). Именно облеченность властью пробуждает в Анджело темные страсти, делает его бесчестным и лицемерным, побуждая манипулировать законом в своих интересах, шантажируя Изабеллу: «Что предпочли бы вы — дать брату Пасть жертвой справедливого закона Или ценою собственного тела Спасти его, отдавшись на позор...» (там же: 205). В противоречивой натуре Анджело внешнее поведение противоположно его внутреннему состоянию, что понимает и он сам: «неужли нам надо Разрушить храм, чтоб свой вертеп построить?» (там же: 180). Готовый немедленно казнить Клавдио за на-

рушение закона, который давно превратился в формальность, Анджело выявляет двуличие власти. Как подметит Пушкин, «Анджело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!» («Table-talk») (Пушкин, 1962: 210).

Законник Анджело единолично вершит суд, превращая его в расправу, чем противоречит как гуманистическим принципам милосердия, так и христианской заповеди любви, о чем ему напоминает Изабелла, не согласившись купить свободу брата ценой своего позора: «Что же будет с вами, Когда придет верховный судия Судить вас? О, подумайте об этом — И милости дыхание повеет Из ваших уст, и станете тогда Вы новым человеком» (Шекспир, 1960: 195). «Новый человек» — это новозаветный Адам, следующий словам Христа в Нагорной проповеди: «...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф 7:12). В словах Изабеллы «Нельзя своею мерой мерять ближних» (Шекспир, 1960: 197) содержится этический постулат гуманизма, названный Шекспиром «мера за меру», ставший органичной составляющей и христианского учения.

В шекспировской онтологии истина всегда исходит от обычных людей, далеких от власти, не всегда добродетельных, но не лицемерных и знающих жизнь. Таков комический проповедник распутства Луцио, он развенчивает фальшивость официальной морали, противопоставляя ее естеству природы, говоря, что ханжа Анджело мнимый праведник. И если он отказывается от удовольствий и естественных влечений, то получается, что он «не произошел от мужчины и женщины по старому, испытанному способу... его народила морская русалка... выметали две вяленые трески... И вообще он автомат, неспособный производить себе подобных» (там же: 225).

Противоположностью Анджело в комедии выступает распутный, но честный и благородный Клавдио, гедонист, любящий удовольствия земной жизни и боящийся смерти, как язычник. Несмотря на свою распутность и греховность, он оправдан тем, что раскаивается и признает Джульетту женой до венчания, в отличие от Анджело, который хочет заполучить Изабеллу на одну ночь, являясь в то же время «нареченным супругом» Марианы. Согласно новозаветной морали, совпадающей с гуманистической этикой, Клавдио заслуживает милости как раскаявшийся грешник, о чем говорит Христос в Евангелии своим ученикам: «милости хочу, а не жертвы... Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф 9:13).

Дальнейшие комические перевертыши происходят во время второй и третьей подмены (*Quid pro quo*), когда вместо Изабеллы на свидание приходит жена Анджело Мариана. Но Анджело нарушает данное слово и велит принести голову Клавдио, не зная, что произошла еще одна подмена. По мысли Шекспира, правитель должен быть выше земных законов и уметь проявлять милосердие, предоставив человека Высшему суду. Кульминация происходит в конце пьесы, совпадая с благополучной развязкой в соответствии с жанром комедии. Возвратившийся Герцог узнает о нечестивых делах Анджело, восстанавливает справедливость и воздает «мерюю за меру» (Шекспир, 1960: 273). Спасение раскаявшегося грешника заключается в любви, о чем говорит Мариана: «Ведь праведником часто Становится раскаявшийся грешник. Кто не грешил — не каялся» (там же: 275). Заступничество Марианы и Изабеллы избавляют покаявшегося Анджело от смертной казни: «Скорбь так сильна в раскаявшемся сердце» (там же: 276).

Милосердие совпадает с законом, Анджело помилован Герцогом и юридически, так как формально не нарушил закон, проведя ночь с женой. Соединяя Мариану

и Анджело брачными узами, Герцог устанавливает высшее равновесие жизни, мило-сердное воздаяние за земные дела: «Любите же свою жену. Ее цена пусть вам придаст цены» (там же: 277).

Идеальным правителем в комедии выступает Герцог, ставящий любовь выше ка-рающего, как топор, закона: «Я чувствую потребность всем прощать» (там же).

Шекспир отходит в комедии от ренессансного титанического типа личности, готовой в открытом бою вступить в схватку со злом (Гамлет), его герои «не выросли на этот раз до вселенских размеров, как произошло это с принцем датским или венецианским мавром» (Алексеев, 1984: 196). Лицемерный и жестокий Анджело представляет собой макиавеллиевский тип монарха, причем в его негативном варианте, он готов «при надобности не чураться зла» (Макиавелли, 2006: 99), и в выборе между любовью и страхом выбирает страх как способ управления государством. Достойным царствования, в представлении Шекспира, может быть лишь благородный правитель, соблюдающий меру в своем могуществе. Таким он представлен в лице герцога Винченцио, соответствуя образцу мудрого монарха, чья власть должна быть ограничена народным волеизъявлением.

Не отбрасывая политический аспект пьесы, следует отметить, что не менее важным для английского драматурга является морально-этический вопрос о том, насколько видоизменяется природа человека, заполучившего безграничное право царствовать. Считая в духе Монтеня, что «высокая доля слишком далеко отбрасывает от других людей» (Монтень, 2006: 435), Шекспир выступает сторонником гуманистического постулата: «Человек есть мера всех вещей» и предпочитает сближать людей друг с другом на основе любви, заканчивая пьесу обращением Герцога к Изабелле: «И если только я тобой любим, Будь все мое — твоим, твое — моим» (Шекспир, 1960: 279). История у Шекспира вершится на фоне судьбы отдельных личностей, чаще всего определяющих меру добра и зла в самих себе самостоятельно, что и предопределило трагический итог европейского гуманизма.

ПОЭМА А. С. ПУШКИНА «АНДЖЕЛО»:

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ШЕКСПИРОВСКОГО ГУМАНИЗМА

В русской литературе великим последователем и преемником традиций У. Шекспира следует считать А. С. Пушкина. Шекспир привлек Пушкина многосторонностью своего гения, умением соотносить исторические события с современностью и смотреть на человека во всем разнообразии проявлений его природы. В обращении к Шекспиру Пушкин следовал общеевропейской романтической тенденции возрождения интереса к творчеству английского драматурга. Появившиеся в европейской литературе трактат Ф. Стендаля «Расин и Шекспир» (Стендаль, 1978) и романтический манифест В. Гюго «Предисловие к драме “Кромвель”» (Гюго, 1956) побудили к переосмыслению художественного опыта Шекспира. Публикация во Франции сочинений английского драматурга в переводе П. Летурнера и сопровождавшее его научное исследование историка Ф. Гизо побудило романтиков увидеть в Шекспире образец современного искусства и равняться на его творческие достижения.

Творчество Пушкина приходится на период подъема влияния Шекспира не только на европейскую, но и на русскую литературу. Русский поэт не копирует, а развивает достижения английского драматурга, применив их к своим замыслам. Верно заметил в своем исследовании филолог Н. В. Захаров: «Пушкинский шекспиризм се-

редины 1820-х — начала 1830-х гг. имел не подражательный, а “продолжательный” характер» (Захаров, 2014: 239). Шекспир в буквальном смысле перевернул мировоззрение Пушкина, побудив пересмотреть свои творческие и жизненные взгляды, критически подойти к романтическому направлению, свергнув с пьедестала кумира Байрона: «...но что за человек этот Шекспир! — писал Пушкин Н. Н. Раевскому в 1825 г. из Михайловского. — Не могу прийти в себя! Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик!» (Пушкин: 1949: X, 161).

Пристальное внимание к творчеству Шекспира приходится на 1823–1825 гг. В письме к В. Кюхельбекеру в 1824 г. Пушкин открывается своему другу: «Читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира» (там же: 86). С этого времени Пушкин осознанно следует «системе отца нашего Шекспира» (Пушкин, 1962: 281). При этом «Пушкин явился Пушкиным», отойдя от влияния Байрона и, по словам русского переводчика и литературного критика XIX в. С. П. Шевырева, попал под «влияние Шекспира», «потому что Шекспир духом своим более согласовался с духом нашего Пушкина» (Шевырев, 2004: 172).

Перевод шекспировской комедии «Мера за меру» вылился у Пушкина в самостоятельную драматическую поэму, о чем говорится в подзаголовке к рукописи, законченной в октябре 1833 г. в Болдине: «Повесть, взятая из Шекспировской трагедии *Measure for measure*. Представляет собою сокращенное и несколько измененное переложение драмы Шекспира» (Пушкин, 1949: IV, 540). Перелагая шекспировский сюжет, Пушкин действует свободно, без определенного плана, по своему усмотрению располагая персонажей поэмы. Современники невысоко оценили поэму, что не помешало Пушкину отнести ее к числу лучших своих произведений, о чем он высказался близкому другу П. Нащокину: «Наши критики не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал» (цит. по: Нащокин П., Нащокин В., 1985: 234). Поэма показала близкие точки соприкосновения русского поэта с английским гением. Пушкин почувствовал, что предстал не просто лириком, а явно смог приблизиться к глубинам всеобъемлющей шекспировской мысли, не стеснив своей свободы.

До Пушкина такими вольными переложениями Шекспира еще никто занимался. По сути, поэт превратил пьесу английского драматурга в оригинальное авторское сочинение, «придал ей русский акцент, присущий самому Пушкину: шекспировские страсти поставлены в российский контекст» (Захаров: 2014: 242).

В исследованиях поэмы часто присутствовал общественно-политический аспект, связанный с темой власти и милосердного правителя. Эту идею разрабатывал Ю. М. Лотман, сравнив Анджело с Александром I, выделив эпизоды, связанные «с политической концепцией “власти” и “милосердия”, роднящие “Анджело” с “Капитанской дочкой”, “Пиром Петра Первого” и рядом других произведений позднего Пушкина» (Лотман, 1995: Электронный ресурс). Немаловажным для Пушкина было и осмысление правления Николая I, чей образ слился с гонителем декабристов.

Будучи поклонником итальянского Возрождения, Пушкин переносит действие в «Италию счастливую» (Пушкин, 1949: IV, 349). Используя драматическую композицию, русский поэт придает поэме дополнительную конфликтность, противопоставляя порочную языческую страсть христианскому милосердию. Пушкин, по словам русского богослова и литературоведа М. М. Дунаева, «сосредоточивает внимание на сугубо христианском чувстве прощения врагов» (Дунаев, 2003: 76). Не отступая от основной сюжетной линии, Пушкин концентрирует события, устраняя лишних

в его представлении персонажей. В «Анджело» нет многого из того, что входит в сюжет шекспировской пьесы, но сохраняется логика композиции жанра. Пушкин изменяет статус некоторых героев, например, Мариана является женой, а брошенной невестой Анджело, и старый Дук не вступает в брак с Изабеллой, что принципиально меняло направление замысла поэмы, направляя мысль Пушкина к проблеме духовного преображения личности как внутренней необходимости, а не просто для достижения радостей земной жизни. Драматический конфликт сосредоточен на противостоянии добродетельной Изабеллы и порочного Анджело. Пушкина интересует тот же вопрос, что и Шекспира: в какой степени власть меняет внутреннюю сущность личности, как это сказывается в государственном управлении и частной жизни обычного человека.

Как и в отношении Шекспира, нельзя не учитывать политический аспект поэмы, но Пушкин сосредоточивает свое внимание на духовно-религиозной стороне проблемы влияния власти на личность. Не случайно, в отличие от Шекспира, русский поэт выносит в заголовок не метафору «мера за меру», а имя главного героя Анджело. Деспотизм власти в представлении Пушкина концентрируется, как правило, в лице одного человека, чьи личностные качества непосредственно влияли на судьбу всего общества. Отсюда проистекает проблема идеального правителя, интересы которого соединялись бы с судьбой народа.

С одной стороны, мы видим «предоброго Дука», он «народа своего отец чадолюбивый» (Пушкин, 1949: IV, 349). Но его доброта превратилась в слабость, и «Сам ясно видел он, Что хуже дедушек с дня на день были внуки, Что грудь кормилицы ребенок уж кусал, Что правосудие сидело сложа руки И по носу его ленивый не щелкал» (там же). С другой, к власти по велению Дука для установления порядка назначается временный правитель Анджело, «муж опытный, не новый В искусстве властвовать» (там же: 350). Пушкин ищет формулу идеальной власти, в которой закон и милосердие сочетались бы в соответствии с интересами каждого человека. В пушкинском варианте, что мы видим и у Шекспира, получив власть хотя бы на короткое время, Анджело внезапно преображается, проявляя двойственность своей натуры и показывая, что человек — это «вещь в себе», его природа непостижима и проявляется в моменты особых переживаний души и изменений внешних условий жизни.

Анджело правит как деспот, проявляя черты правителя макиавеллиевского типа, он «не считается с обвинениями в жестокости» (Макиавелли, 2006: 95). В мнении народа он тиран и противопоставляется «предоброму» Дуку: «Эхе! да этот уж не тот» (Пушкин, 1949: IV, 350). Тиранию власти Пушкин объясняет внутренней греховностью правителя, что присуще природе Анджело, поработанного страстями и утратившего способность молиться: «Устами праздными жевал он имя Бога, А в сердце грех кипел» (там же: 357).

В христианском значении жестокому законнику и лицемеру Анджело противостоит кроткая, но сильная духом Изабелла, считая истоком милости «глас любви в сердце» (там же: 354), спасающий человека от греховных поступков. У Пушкина Изабелла схожа с героиней Шекспира, призывая Анджело стать «новым человеком», отказавшись от жестокого ветхозаветного суда, не знающего милосердия: «И милость нежная твоими дхнет устами, И новый человек ты будешь» (там же).

Характерной чертой тирании Пушкин считает оправдание жестокости суровостью закона: «Не я, закон казнит», — говорит Анджело (там же: 355). Но закон этот

создан людьми и служит для исполнения человеческой воли, противореча «суду на небесах» (там же: 358). Поэтому Анджеоло не может понять Изабеллу, говоря ей: «За что ж казалось тебе бесчеловечно Решение суда?» (там же: 361).

Не испытывая подобно Шекспиру преклонения перед царями и героями, Пушкин оставался монархистом, но уподоблял царствование религиозному служению, видя перед собой образец Христа. Утратив связь с Божественной волей, Анджеоло впадает в гордыню вседозволенности, и тогда «пошли разыгрываться казни» (там же: 350). Верно отражают замысел Пушкина слова М. М. Дунаева: «Внешней справедливости здесь противопоставлено призывание к милосердию. Справедливость определяется Законом; милость, милосердие — Благодатью. И милосердие — истинный дар Божий» (Дунаев, 2003: 76).

В отличие от Шекспира, Пушкин расширяет поле деятельности Дука, показывая его интерес к жизни обычных людей. Под видом монаха он «соглядатаем незримым посещал палаты, площади, монастыри, больницы, Развратные дома, театры и темницы» (Пушкин, 1949: IV, 369). Сравнивая Дука с легендарным Гарун Аль-Рашидом, Пушкин иронизирует над его желанием подражать сказочному восточному халифу. Образ идеального властителя вписывается поэтом в комический контекст народного юмора, не случайно народ шутя сравнивает Дука с «бродящею кометой» (там же: 369). Проявляя мудрость, Дук все же поступает по-христиански, что можно назвать исключительным явлением по отношению к реальной жизни. «Судье — торгашу и обольстителю» (там же: 372) Дук дарует помилование, лаконично заканчивая поэму словами: «И Дук его простил» (там же: 373).

По мнению Пушкина, высшая милость не может быть ограничена юридическим правом, возносясь над земным судом и подводя монарха к исполнению Божьей воли, проповедуемой Евангелием: «Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом» (Иак 2:13). Следуя Шекспиру, Пушкин доказал важность «нравственного в мире изящного» (Шевырев, 2004: 172), выстраивая свои сюжеты не столько близко к исторической правде, сколько к духовной истине в православном ее понимании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В западной культуре творчество Шекспира закономерно приобрело характер кано́на, образца по силе «всепроникающей остроте мысли, языковой энергии и мощи вымысла» (Блум, 1998: 194). Шекспир был поэтом самосознания с широким взглядом на жизнь и природу человека. Он вывел европейскую литературу на всемирный уровень, показав психологическую глубину личности, вписав ее в круговорот истории вселенского масштаба. Универсализм Шекспира заключался в его умении вести разговор с людьми разных сословий и характеров, включив все деяния человека в литературное пространство.

Радостное мирозерцание молодости к началу 1600-х гг. сменяется у Шекспира чувством меланхолии и пессимизма при виде того, как переменчива природа человека, облеченного властью. В образе Анджеоло заложена прозрачная аллегория на порочную власть. Шекспир отмечает, что мораль становится двусмысленной, а лицемерие обнажает темные стороны человеческой души. Оказывается, можно быть безупречным правителем, проповедовать христианскую мораль и одновременно устраивать жестокие казни: «Возможно ведь, чтоб самый худший в мире Злодей казался честным, скромным, строгим» (Шекспир, 1960: 257). Шекспир приходит к вы-

воду, что злодеяние исходит не от каких-то внешних, безличных или божественных сил, а зарождается внутри человека, движется побуждениями его души, в которую он смотрится, как в зеркало, но видит уже не богоподобный образ. Погрузившись в настроения разочарования на исходе Ренессанса, Шекспир предпочел видеть мир в духе обреченности Екклесиаста: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё — суета и томление духа!» (Еккл 1:14).

Всеохватность творчества Шекспира породила в мировой литературе явление шекспиризма как «особый принцип организации и трактовки литературного текста, который требует от писателя предельной масштабности в представлении мира, человека и искусства... но не обязательно со ссылкой на образы Шекспира» (Захаров, 2014: 244). Шекспир стал «своим» писателем для любой мировой культуры, в том числе и для русской. Каноном русской литературы следует считать Пушкина, чье творчество вобрало в себя все стороны русской жизни, отражало характер и нравы всего общества. Пушкин пристально изучал Шекспира, русскому поэту были близки широта мысли и творческая манера английского драматурга изображать характеры естественно, как в жизни, во всех их противоречиях и обыденности, низменном и возвышенном. Следует отметить, что Пушкин не был приверженцем ренессансной идеологии титанической личности и следовал православной точке зрения на мир и общество, отсюда его расхождения с Шекспиром во взглядах на проблемы власти и личности правителя.

Если Шекспир в комедии «Мера за меру» сосредоточен на трагедии ренессансной личности, утратившей свое богоподобное величие в силу усиления эгоцентрического начала, то Пушкин в поэме «Анджело» с особой силой акцентирует внимание на проблеме доброго правителя и значении для общества личности, облеченной властью. Пушкинский идеал — милосердная власть, призывание милости к падшим: «Земных властителей ничто не украшает, Как милосердие», — говорит Изабелла, обращаясь к Анджело (Пушкин, 1949: IV, 354). Энергия пушкинского творчества направлена на духовный опыт, поиски внутренних причин поступков того, кто облечен властью, и призыв к очищению от греха гордыни и жестокости. Закон и любовь у Пушкина соединяются в гармоничном единстве на основе милосердия, не случайно Изабелла «душой о грешнике, как ангел, пожалела» (там же: 373), призвав Дука помиловать Анджело.

Идея милости к слабым, беззащитным перед всемогуществом властителя становится ключевой пушкинской темой и соотносится с евангельским взглядом, поэтому поэма заканчивается торжеством милосердия, отождествленным автором с высшей справедливостью — любовью к человеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев, М. П. (1984) Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л. : Наука. 476 с.
- Блум, Х. (1998) Западный канон (гл. «Шекспир как центр канона») / пер. с англ. Т. Казавчинской // Иностранная литература. № 12. С. 194–213.
- Гюго, В. (1956) Предисловие к «Кромвелю» / пер. Б. Реизова // Собр. соч.: в 15 т. / под общ. ред. А. Андрес, М. Трескунова. М. : ГИХЛ. Т. 14. 766 с. С. 74–132.
- Дунаев, М. М. (2003) Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках. М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви. 1056 с.
- Захаров, Н. В. (2014) Шекспиризм в творчестве А. С. Пушкина // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 235–248.

- Лосев, А. Ф. (1978) Эстетика Возрождения. М. : Мысль. 623 с.
- Лотман, Ю. М. (1995) Идейная структура поэмы Пушкина «Анджело» [Электронный ресурс] // Александр Пушкин. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/articles/lotman/andzhelo.htm> (дата обращения: 18.08.2020).
- Луков, В. А. (2003) Шекспир // Луков, В. А. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М. : Издательский центр «Академия». 512 с. С. 121–139.
- Макиавелли, Н. (2006) Государь. М. : Эксмо ; Харьков : Фолио. 672 с.
- Монтень, М. (2006) Опыты. М. : Эксмо ; СПб : Terra Fantastica. 800 с.
- Нащокин, П. В., Нащокин, В. А. (1985) Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. В. Вацура, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. М. : Худож. лит. 575 с. С. 223–235.
- Пушкин, А. С. (1949, IV) Анджело // Полн. собр. соч. : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 4. 552 с. С. 347–375.
- Пушкин, А. С. (1949, X) Письмо к В. К. Кюхельбекеру // Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 10: Письма. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 894 с. С. 86–87.
- Пушкин, А. С. (1962) Письмо к издателю «Московского вестника» // Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М. : ГИХЛ, 1959–1962. 583 с. С. 280–284.
- Стендаль, Ф. (1978) Расин и Шекспир / пер. Б. Реизова // Собр. соч. : в 12 т. Т. 7 / под общ. ред. Б. Реизова. М. : Правда. 399 с. С. 219–307.
- Шевырев, С. П. (2004) Об отечественной словесности. М. : Высшая школа, 2004. 304 с.
- Шекспир, У. (1960) Мера за меру / пер. Т. Щепкиной-Куперник // Полн. собр. соч. : в 8 т. Т. 6 / под общ. ред. А. Смирнова, А. Аникста. М. : Искусство. 465 с. С. 150–281.

Дата поступления: 20.08.2020 г.

*LOVE AND LAW IN W. SHAKESPEARE'S COMEDY "MEASURE FOR MEASURE"
AND A. S. PUSHKIN'S POEM "ANGELO"*
L. YU. STRELNIKOVA
ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

The article traces the literary connections between Shakespeare and Pushkin. Shakespeare's Comedy "Measure for measure" and Pushkin's poem "Angelo" are considered. The Comedy "Measure for Measure" refers to the "tragic" period of the English playwright's work and reflects the socio-religious and spiritual and moral changes in the consciousness of that era. It is this turning point that opens a new stage in the history of Western European literature. As a humanist, Shakespeare puts man in the center of attention in his contradictions, appearing in greatness and sinfulness. The problem of a heroic person who can fight evil becomes less relevant. The moral qualities of powerful rulers are brought to the fore.

Pushkin became the successor of Shakespeare's traditions in Russian literature. Considering Shakespeare as his "father" and teacher, Pushkin develops the problem of personality in power posed by the English playwright. Pushkin was attracted to Shakespeare's play not only by its humanistic orientation, but also by its religious aspect. The article actualizes the idea that unlike Shakespeare, who also defends the law, Pushkin, from the Orthodox point of view, puts Christian charity and love above legal norms.

Keywords: comedy; poem; Shakespeare; "Measure for Measure"; Renaissance personality; charity; law; Pushkin; "Angelo"; humanism; Orthodoxy

REFERENCES

- Alekseev, M. P. (1984) *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya*. Leningrad, Nauka. 476 p. (In Russ.).
- Blum, H. (1998) *Zapadnyj kanon* (Chapter «Shekspir kak centr kanona») / transl. from English by T. Kazavchinskaya. *Inostrannaya literatura*, no. 12, pp. 194–213. (In Russ.).

Gyugo, V. (1956) Predisloviye k «Kromvelyu». In: Gyugo, V. *Sobranie sochinenii*: in 15 vol. / transl. by B. Reizov et al. / ed. by A. Andres and M. Treskunov. Vol. 14. Moscow, GIHL. 766 p. Pp. 74–132. (In Russ.).

Dunaev, M. M. (2003) *Vera v gornile somnenii: Pravoslavie i russkaia literatura v XVII—XX vekakh*. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 1056 p. (In Russ.).

Zaharov, N. V. (2014). Shekspirizm v tvorchestve A. S. Pushkina. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 235–248. (In Russ.).

Losev, A. F. (1978) *Estetika Vozrozhdeniya*. Moscow, Mysl'. 623 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1995) Idejnaya struktura poem Pushkina «Andzhelo». *Aleksandr Pushkin* [online]. Available at: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/articles/lotman/andzhelo.htm> (accessed: 18.08.2020). (In Russ.).

Lukov, V. A. (2003) Shekspir. In: Lukov, V. A. *Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashih dnei*. Moscow, Akademiya. 512 p. Pp.121–139. (In Russ.).

Makiavelli, N. (2006) *Gosudar'*. Moscow, Eksmo; Har'kov: Folio. 672 p. (In Russ.).

Monten', M. (2006) *Opyty*. Moscow, Eksmo; St.-Petersburg: Terra Fantastica. 800 p. (In Russ.).

Nashchokin, P. V., Nashchokin, V. A. (1998) Rasskazy o Pushkine, zapisannyye P. I. Bartenevyem. In: A. S. *Pushkin v vospominaniakh sovremennikov*. In 2 vol. / comp., prep. and comm. by V. Vatsuro, M. Gillel'son, R. Iezuitova and Ia. Levkovich. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 575 p. Pp. 223–235. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1949, IV) Andzhelo. In: Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: in 10 vol.* Vol. 4. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. 552 p. Pp. 347–375. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1949, X) Pis'mo k V. K. Kyuhel'bekeru. In: Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: in 10 vol.* Vol. 10: Pis'ma. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. 894 p. Pp. 86–87. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1962) Pis'mo k izdatelyu «Moskovskogo vestnika». In: Pushkin, A. S. *Sobranie sochinenii: in 10 vol.* Vol. 6. Moscow, GIHL, 1959–1962. 583 p. Pp. 280–284. (In Russ.).

Stendal, F. (1978) Rasin i Shekspir / transl. by B. Reizova // Stendal, F. *Sobranie sochinenii*: in 12 vol. / ed. by B. Reizova. Vol. 7. Moscow, Pravda. 399 p. Pp. 219–307 (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (2004) *Ob otechestvennoj slovesnosti*. Moscow, Vysshaya shkola. 304 p. (In Russ.).

Shakespeare, W. (1960) Mera za meru / transl. by T. Shchepkinoy-Kupernik In: Shakespeare, W. *Polnoe sobranie sochinenii: in 8 vol.* / ed. by A. Smirnov and A. Anikst. Vol. 6. Moscow, Iskusstvo. 465 p. Pp. 150–281. (In Russ.).

Submission date: 20.08.2020.

Стрельникова Лариса Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики, Армавирский государственный педагогический университет (Армавир). Адрес: 352900, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, д. 159. Тел.: +7 (918) 387-94-27. Эл. адрес: lorastrelnikova@yandex.ru

Strelnikova Larisa Yuryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of National Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical University. 159, Rosy Luxemburg St., Armavir, Russian Federation, 352901. Tel.: +7 (918) 387-94-27. E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru